

Юлия Евдокимова

Горечь мести, *сладость* пирога

18+

Юлия Евдокимова

Горечь мести, сладость пирога

«Автор»

2026

Евдокимова Ю.

Горечь мести, сладость пирога / Ю. Евдокимова — «Автор»,
2026

Два убийства. Пара подозреваемых. И никаких улик. Николетте и Пенелопе предстоит разобраться, что же происходит в старом доме. А там всё не то, чем кажется! Старые фотографии хранят лица, которых давно нет, чужие имена всплывают там, где их не может быть, старик, боясь собственной тени, прячется в запертой комнате. Неужели это спектакль, поставленный изощренным режиссером? Но драма началась задолго до первого акта и пьеса выходит из под контроля. Месть всегда горька, верность порой преступна, но даже в самой горькой драме есть место надежде. Потому что главное - теплота людей и простые радости. Наш мир держится на равновесии, и на смену горечи всегда приходит сладость. Даже если это простой грушевый пирог. Но разве пироги маэстры Пенелопы бывают просты?

© Евдокимова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	8
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	19
Глава 5.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлия Евдокимова

Горечь мести, сладость пирога

«Юлия- тонкий знаток и ценитель итальянской кухни и прочих итальянских тем».

(Джангуидо Бреддо, почетный консул Италии, член Академии истории итальянской кухни, автор книги «Настоящая итальянская паста».)

«Влюбленная в Тоскану, между своей работой и желанием писать книги, Юлия не забывает о земле Боккаччо. Борги и рецепты всегда были в центре всеобщего интереса, сегодня в ее исполнении они снова становятся бестселлерами и литературным приключением».

(Тосканская газета «Il Tirreno».)

«Аппетитные бестселлеры Юлии Евдокимовой: Италия, которую можно попробовать на вкус».

(Газета «Аргументы и факты».)

«На книжной полке- тайны и туманы».

(Журнал «Италия».)

«Тот, кто не хочет, чтобы тайна стала известна, в конечном итоге не должен признаваться в этом даже самому себе, потому что никогда не следует оставлять следов».

Джулио Андреотти

* * *

«I nonni sono questa specie di tollerante rifugio dal quale si può sempre andare.

Бабушки – это убежище, куда всегда можно прийти за поддержкой.»

Итальянская поговорка.

Все совпадения персонажей и событий случайны.

На столбе у ворот кладбища в Пьетрапертозе висит почтовый ящик. Никто уже не помнит, зачем его тут поставили.

Вы можете представить человека, который пойдет на кладбище, чтобы отправить письмо? Вот и жителям деревни такое в голову не приходило.

А ящик стоял и постепенно превратился в такую же привычную часть пейзажа, что его просто не замечали.

Синьора Николетта Денизи как всегда прошла мимо ящика, головы не повернув, она смотрела в другую сторону, туда, где старый синьор Эдмондо протирал мраморный постамент своей будущей могилы. К этому все привыкли. Старик Эдмондо был единственным за все время существования кладбища – а это, минуточку, лет шестьсот, не меньше – кто заранее выкупил участок и установил памятник. Все знали, как плохо жил Эдмондо со своей женой Эдой, умершей лет десять назад. И теперь вдовец категорически не соглашался, чтобы его кости провели следующие шестьсот лет по соседству с почившей супругой и вообще разделять с ней вечность... Увещевания деревенского падре дона Пьерино ни к чему не привели.

Тогда мэр деревни, синьора Сирена Авильянези, уговорила муниципальный совет пойти навстречу старому Эдмондо. И то понятно, она же ведьма, а кто лучше ведьмы видит то, что у человека внутри! Хотя Николетта была уверена, что старик просто спятил.

Она убрала сухие цветы из мраморной вазы на могиле родителей, поставила свежий букетик. Постояла, заверила, что у нее все хорошо и с тех пор, как она переехала к подруге Пенелопе ее жизнь изменилась к лучшему, стала такой насыщенной и яркой, какой никогда не была. Слегка смутилась и даже попросила прощения, но ведь это правда, зачем кривить душой! Мертвым не лгут, они оттуда все видят.

Что ж, пора возвращаться. Она обещала зайти в кондитерскую Алессии за восхитительными кексами и надо спешить: скоро утренняя прохлада сменится жарой и станет тяжело подниматься по крутой дороге в гору, где пристроился желтый домик с террасой.

Николетта кивнула синьору Эдмондо и поспешила к выходу. Надо поговорить с Сиреной, похоже, старик совсем сбрендил, каждое утро первым делом идет на кладбище и доводит свою могилу до совершенства. Вот увидите, однажды он завезет мраморный саркофаг с балдахином, не уступающий гробницам римских императоров!

Она снова не заметила бы почтовый ящик у ворот, но споткнулась взглядом о белый конверт, которого на траве уж никак не должно быть.

Николетта наклонилась, в спине что-то хрустнуло, но она даже не заметила, разглядывая конверт. Конверт, вы только подумайте! Мало тут ящика, теперь появились письма.

Николетта прочитала неровные строчки, написанные от руки: «Синьора Виолетта Скарчелла, вилла Роза, Пьетрапертоза, провинция Потенца.» Ни обратного адреса, ни имени отправителя.

Во-первых, никакой виллы «Роза» в деревне не было. Во-вторых, синьору Скарчелла она отродясь не встречала. Но больше всего Николетту зацепили строчки. Слово «синьора» взлетало вверх, как испуганная птица, а имя выведено с нажимом, будто писавший разозлился. От этого конверта веяло виной.

И Николетта сделала то, чего никогда не делала раньше. Вместо того чтобы оставить чужое письмо там, где оно лежало, она сунула его в сумочку. А дойдя до кондитерской, зачем-то свернула на почту, купила марку, аккуратно наклеила её поверх конверта и опустила письмо в ящик.

«Если письмо написано, — подумала она, глядя, как конверт проваливается в темноту, — оно должно дойти.»

Глава 1.

- Он был... тревожным.- Рассказывала Николетта Пенелопе, нервно крутя в руках пустую чашечку кофе.- Этот конверт. Не деловое письмо, уж точно, и не любовное, никаких сиреневых или розовых тонов, когда ты сразу понимаешь, что внутри. Он был белым словно... мрамор на могиле.

- Дорогая, посещение кладбища привело тебя в хм...кладбищенское настроение. Чем конверт может быть похож на мрамор? И даже согласившись с тобой насчет цвета, должна заметить, что от кладбища всегда веет спокойствием, а совсем не тревогой. И поставь, наконец, чашку, ты ее совсем замучила!

Николетта послушно поставила чашку, бросив взгляд на остатки кофейной гуши. Та совершенно недвусмысленно слилась в кривой крест, будто на старинном кладб... нет, Пенелопа права, хватит забивать себе голову ерундой.

И тут же вздрогнула, потому что налетевший с гор ветер возмущенно хлопнул дверью на террасу, да так, что стекла зазвенели. Только чем он возмущался – тем, что она забивает голову ерундой или тем, что решила забыть о странном происшествии?

Однако на этом история не закончилась.

Прошла пара дней и ранним вечером раздался шум мотора, а затем и другой шум, совершенно несвойственный их тихой улочке: в дверь застучали, да так энергично, словно гвозди заколачивали.

Пенелопа подняла брови, а Николетта поспешила к дверям, открыла и увидела совершенно незнакомую синьору в возрасте, крупную и коренастую, с кудрями, выкрашенными в тот цвет, что так любят итальянки «из приличного общества» - то ли бронзовый, то ли светло-каштановый.

Женщина держала в каждой руке по странному чемоданчику, а нога уже поднималась для следующего энергичного пинка в дверь.

В чемоданчиках что-то завывало.

- Ненавижу когда они себя так ведут,- сказала женщина и протиснулась в дверь. Невысокая, худенькая Николетта не смогла противостоять напору и отлетела в сторону, ощутимо ударившись о стену правой лопаткой.

А женщина уверенно прошла в гостиную, словно прекрасно ориентировалась в их доме. Николетте осталось лишь поспешить за ней, чтобы увидеть, как незнакомка ставит чемоданы у небольшого столика, на котором стоял серебряный поднос и ваза с нарциссами.

- Они устали, орали всю дорогу,- пояснила женщина. Вой затих, из чемоданов раздалось обиженное сопение.

А женщина плюхнулась в кресло, широко расставив ноги под цветастым платьем и установилась на Пенелопу. – Ну?

Пенелопа смотрела на незваную гостью с любопытством и даже, Николетта готова была в этом поклясться, со смешинками в глазах. Она же не представляла, что делать, габариты гостьи не позволяли выдворить ее восвояси и эти чемоданы... Николетта поймала взгляд старшей подруги и скосила глаза на телефон. Пенелопа всегда говорила, что в ее возрасте не существует тайн, старики легко читают мысли окружающих, так пусть прочтает ее взгляд.

«Нет»,- говорил ответный взгляд маэстры,- «не надо звонить маршалло Брандолини, все в порядке».

- Так вы собираетесь заняться моей проблемой?– Требовательным тоном поинтересовалась незнакомка.

- Сначала выпустите кошек, пусть разомнутся,- сказала Пенелопа.- А потом расскажите, что случилось.

Тут незнакомка словно очнулась, забормотала что-то, из самоуверенной бабищи превратилась в растерянную немолодую тетку, совершенно не представлявшую, что же делать дальше. Отрепетированный кусок ее визита, подогреваемый тревогой и решимостью немедленно все разрешить, закончился. И теперь она с надеждой смотрела на хозяек дома.

Но расскажет она в конце концов что же случилось или так и будет мяться?

Женщина засуетилась, открыла дверцы переносок (так вот что это такое, а совсем не странные чемоданы!). Изнутри опять завывло.

- Оставьте их в покое. Освоятся и выйдут. Я сварю кофе, а вы соберитесь с мыслями и расскажите нам, в чем же проблема.

Пенелопа скрылась в кухне, а Николетта чуть не рассмеялась вслух. Ну конечно, когда исчезла бравада, незнакомка стала похожа на ее кошек, съежилась и приготовилась завывать, вот только переноски, чтобы спрятаться, у нее не было.

Наконец кофе был выпит (одним глотком), синьора вздохнула и спросила:

- А с чего начинать?

- Может быть с вашего имени?

Плечи незнакомки расслабились. Ну конечно, если есть начало, то и дальше история пойдет свободно.

- Меня зовут Виолетта Скарчелла.

Николетта громко выдохнула «Ах!».

* * *

- А где ваш... карабинер?

- Марешалло Брандолини здесь не живет,- сказала Пенелопа.- И он абсолютно не наш. Ваша проблема требует вмешательства карабинеров? Почему же вы пришли к нам?

- Потому что у меня нет доказательств. Они просто посмеются надо мной. Карабинеры.

- Доказательств чего?- Похоже и Пенелопа начала уставать от Виолетты Скарчеллы.

Кошки одновременно выглянули из переносок. Одна была необычного темно-пепельного цвета от носа до хвоста. Другая светлее, с белым треугольником на шее.

- Раффи,- сказала Виолетта, указывая на ту, что с треугольником.- И Таффи. Раффаэлла и Теофилио. Раффи это кошка а Таффи это кот.

Пенелопа подняла глаза к небу, Таффи вылез полностью, утробно взвыл, промчался через всю комнату и исчез под диваном. Раффи с деловитым видом пробежала следом.

- Она же женщина, - сказала Виолетта Скарчелла, - и не может подвести мужчину, позволить ему чувствовать себя дураком. Собственно, это то, что нам, женщинам приходится делать всю жизнь, не так ли?

- Так что же случилось? – Взвыла на сей раз Николетта.- И произнесла раздельно, выделяя каждое слово. – Зачем... Вы... К нам... Пришли?

- Понимаете... меня хотят отравить.- Женщина надменно подняла подбородок.- Я этого не потерплю!

- Но...— начала Николетта, но закончить ей не дали.

- Удивляет вас, не так ли? Меня тоже удивило, должна вам сказать. Результат анализа.- Она вызывающе посмотрела на хозяек дома. – Меня стошнило. И выяснилось, что это был мышьяк. Как в кино, представляете? То есть я уже должна быть мертва.

- Э... я понимаю,- начала Николетта, но ей снова не дали закончить.

- Кто-то просчитался. Яда оказалось недостаточно. Это только капля никотина убивает лошадь.

Николетта не удержалась и хихикнула. Виолетта Скарчелла была так похожа на лошадь! Но лошади таких размеров капля мышьяка не причинит вреда.

- Мышьяк? – Подняла брови Пенелопа.

- Вы думаете, я сумасшедшая, да? Может быть. Некоторые родственники так и думают. Дело в мужьях... никто не понимал, что в них не так.

- Послушайте, синьора Скарчелла,- осторожно начала Пенелопа. – Давайте вернемся к делу. Мы пока ничего не понимаем ни про родственников, ни про мужей. И пока мы окончательно в них не запутались... вы сказали, что кто-то пытался вас отравить. Кто?

Женщина покачала головой.

- Любой из них, дорогая. Они все здесь. Конечно, из-за моих денег. Ну, то есть денег мужа. Потому что я их сохранила. И дом.

- Но почему...

Синьора Скарчелла покачала головой вместе с верхней частью туловища, от чего стала похожа на странную, угловатую куклу-неваляшку.- Поэтому я пришла. Я хочу, чтобы вы их нашли. Я же не могу пойти с этим к карабинерам, правда? Я просто хочу, чтобы это дело не получило огласки. Ведь это семейное дело. Скажем так... немного мышьяка среди родственников.

Хозяйки дома не нашли, что ответить. Такого не приходилось слышать даже Пенелопе, а она за свои девяносто с лишним повидала многое.

Пенелопа поднялась, собрала чашки и унесла их в кухню. Вернулась с одним свежесваренным экспрессо – только для себя. Выпила в один глоток. Какое-то время тишину нарушал только ветер, настойчиво стучавший в дверь на террасу, словно хотел вмешаться в разговор, предостеречь от необдуманных решений.

- И как мы должны это сделать?- Спросила она наконец.

Виолетта Скарчелла оживилась, эту сторону она явно продумала заранее.

- Вы приедете ко мне в гости и поживете немного. С вашим опытом вы быстро поймете кто злоумышленник.

- Простите, но это невозможно. В моем возрасте я никого не навещаю и практически никуда не выхожу кроме воскресной мессы. «И похорон», - хотела добавить Пенелопа, ведь она никогда не пропускала похороны. Они напоминали, что она не единственная, кто рано или поздно закончит свой путь, а в ее случае скорее рано, чем поздно. Но упомянуть похороны было бы сейчас неуместно.

- Ваша подруга... Николетта, не так ли? Вы будете на связи, ведь это совсем рядом! Вы же согласны?

Умоляющее выражение лица совершенно не подходило Виолетте Скарчелле и она смотрелась так комично, что Николетта чуть не согласилась. Но вовремя опомнилась и задала вопрос, который вертелся в голове с того момента, как она услышала имя гостьи.

- Простите, а вы недавно не получали... э... письма?

- Откуда вы знаете? – Изумилась гостья.

- Ну... э... все рано или поздно получают письма, даже в наше время. Я имела в виду... э... какого-то необычного письма?

- Да! Я чуть не забыла! Ну, конечно. Вот! – Из сумочки гостьи показался такой знакомый белый конверт.

Синьора Скарчелла открыла его и протянула листок Николетте. На листке уже знакомым скачущим почерком было написано: «Он придет за тобой».

Глава 2.

Николетта Денизи стала одной из жертв нечестных риелторов, когда за бесценок продала свой домик после смерти матери. Он оказался слишком большим для одинокой женщины и риелторы сразу поняли, что тут можно нажиться. Бедная Николетта не заметила, как оказалась в уродливом панельном доме на окраине.

До случайной встречи в горах она никогда не общалась близко с «маэстрой», как уважительно звали все, от мала до велика, Пенелопу Авильянези. Ведь она учила их всех, а потом их детей и внуков. А вот серую мышку Николетту Денизи почти не замечали.

Сблизившись при расследовании убийства ведьмы... о, ну конечно же, ведьм не бывает! – две учительницы на пенсии подружились и решили жить вместе.

Николетта творила настоящие чудеса с цветами и травами, а вот готовить не умела совершенно. Итальянка, которая не может пасту сварить – редчайший случай! Но у Николетты спагетти умудрялись пригореть, вода выкипеть, а кастрюля прийти в непригодность. А что подедаешь, если попалась такая интересная книга, что не оторваться, как тут вспомнить о кастрюле на плите! Зато маэстра готовила божественно.

Неожиданно жизнь Николетты изменилась. Ее запомнили и даже полюбили. Она заваривала для всей деревни свои травы, продавала особенные чаи на рождественских рынках, но главное - она больше не была серой мышкой и даже... ох, неловко об этом говорить, когда тебе за шестьдесят! В общем... впервые Николетта влюбилась. Да не в кого попало, а в статного бравого *maresciallo* карабинеров Брандолини, а тот – совершенно непонятная история! – ответил взаимностью. И вот уже три года Бани Брандолини был важной частью ее жизни, а растерянность и смущение превратились в теплое взаимное чувство.

Уважали двух пожилых синьор не только за травы, кулинарию и учительство. За несколько лет они умудрились раскрыть несколько убийств.

В свои девяносто Пенелопа почти не выходила из дома на вершине горы, но категорически отказывалась переехать пониже, к дочери, внукам или правнукам. Три года назад она освоила планшет и начала делать потрясающие фотографии, выкладывая их в сеть и обрела популярность далеко за пределами своей деревни. А новости... для этого есть телефон, да и кто откажется забежать в гости на тыквенный или черешневый пирог маэстры Пенелопы!

Но в этот раз Николетте впервые предстояло уехать из дома и лишиться поддержки подруги. Опять же, Бани Брандолини... нельзя же утаить от шефа деревенских карабинеров, что речь идет о покушении на убийство! Она постаралась представить все фантазиями экзальтированной синьоры Скарчеллы. Но *maresciallo*, зная, на какие необдуманные поступки способна его подруга, всерьез забеспокоился. По правде сказать, она дала для этого слишком много поводов. Но сейчас... что может ей угрожать в поместье, полном народа!

* * *

Старый дом казался слишком величественным для таких нелепостей, как синьора Скарчелла, мышьяк и попытка убийства. Даже сейчас, когда его лучшие годы остались позади, он выглядел слишком... внушительно.

Серый камень, три этажа, длинный и узкий балкон с кованной решеткой по центру фасада и маленькими балкончиками в каждой комнате – сюда полдеревни поместится!

Когда-то он назывался «Ле кверче», вилла дубов, и это имя подходило идеально. Но, приобретя дом год назад, Виолетта Скарчелла тут же сменила название. Поэтому Николетта и Пенелопа и не вспомнили виллу Роза. Зачем нужно было менять название - не понятно: дубовый лес окружал поместье, пристроившееся в долине в двадцати минутах езды от Пьетрапертозы, а роз в ближайшем рассмотрении не наблюдалось. Прихоть «капприччозы» - взбалмошной, капризной синьоры.

Такое поместье не сложно было бы продать и, став его хозяйкой, синьора Скарчелла получила несколько выгодных предложений. Получив отказ, покупатели пожали плечами, а некоторые покрутили у виска и отправились искать другие варианты.

Комната, отведенная Николетте, находилась в центральной части дома, выходила окном на подъездную дорогу и казалась шире, глубже и выше, чем полагалось спальне. Окно в пол, выходящее на балкон, было настолько высоким и тяжелым, что открывалось с трудом и вариантов поступления свежего воздуха в спальню было всего два – тяжелый жар летом или холодный морозный ветер зимой, когда окружающие долину горы покрываются снегом, а дожди сменяются снегопадами.

Но при этом комната выглядела достойно. Николетта даже позволила себе помечтать, совсем чуточку, что однажды случится невероятное и марешалло Брандолини уйдет в отпуск и они отправятся в путешествие, и останутся в такой комнате со старинным шкафом, столиком на витых ножках и неожиданно удобной кроватью. Тут Николетта покраснела, запретила себе представлять кровать и нафантазировала море за окном.

Потом огромным усилием воли она отбросила глупые мысли и отправилась в ванную. Долго шла коричневая вода, потом стала белой, мутной и маслянистой и все фантазии улетучились. В конце концов Николетта все же улеглась в ванну, долго думала, прилично ли в ее возрасте делать педикюр или не стоит и начинать, а потом вспомнила, для чего она здесь, в этой комнате и даже в этой мраморной ванне на чугунных витых лапах.

«Итак», - сказала себе Николетта, - «пора задуматься о синьоре Скарчелле и мышьяке. А раз не знаешь, с чего начать, надо начать с людей, живущих в доме.»

Что же мы имеем... в доме есть синьор Саббьони, то ли разнорабочий, то ли сторож, официально именуемый дворецким. Элиза, горничная, так Виолетта Скарчелла именует уборщицу. Может, она в юности прочла слишком много английских романов? Дворецкий и горничная в итальянской деревне, обхохочешься.

Что-то там Джованетти... а, вот – Кьяра. Синьора Кьяра Джованетти, повариха. Видимо, работы в доме неспорный, если нужен еще и повар, эта самая Кьяра.

А куда отнести Эльмо? Гильельмо точно не из слуг, он не спускается в столовую и ни с кем не общается. Его комната на том же третьем этаже, что и отведенная Николетте. Возраст? Неопределенный. Ему может быть и пятьдесят, и семьдесят и даже девяносто. Виолетта сама не помнит, кто он - ее родственник или умершего первого мужа или кого-то из прочих мужей. Он просто все время был где-то рядом, как часть обстановки, так и переехал в дом, названный вилла Роза. Если проводить настоящее расследование, то нужно выяснить, кто такой этот Эльмо и в первую очередь его фамилию.

Теперь - мужья. В молодости Виолетта была замужем за неким Пьетро Орландини, она была в те времена красива, он богат и они жили счастливо, правда не долго, до самой смерти Пьетро. Из-за большой разницы в возрасте случилось это лет через пять после свадьбы, но с тех пор и до настоящего времени Виолетта жила на его деньги, те самые, что она упомянула – сберегла мол, поэтому и хотят убить. А значит что? Значит нужно найти родственников Пьетро и узнать, не имеет ли кто-то из них прав на имущество после ее смерти. Мало ли какие бумаги у них имеются.

Хотя... чтобы отравить Виолетту, нужно жить в ее доме. Получается, что круг сужен.

Затем был еще один муж, у них с Виолеттой даже родился сын, а теперь имелся и внук, журналист и две внучки. Но оба живут в Милане, а вот внучки периодически гостят в доме. Насколько внезапно им потребовалось наследство в виде внушительного банковского счета и старого тухлявого дома - вопрос. Потом был футболист, чье имя сама Виолетта благополучно забыла и обещала посмотреть в документах. Потом некий Стефано, с которым Виолетта развелась года три назад и, наконец, Беньямино, сын от первого мужа, который управляет отделением банка в Потенце и живет в доме.

Пора было вылезать из ванны. Скоро ужин и хорошо, если без убийства. Николетта не могла относиться к расследованию серьезно, не могла - и все тут. В реальной современной жизни не бывает кучи мужей, чьи имена забываются, непонятных родственников и мышьяка. А главное, насколько она узнала Виолетту Скарчеллу – быть отравленной совсем не в ее стиле.

* * *

- О, вы та самая давняя приятельница бабушки, с которой она много лет не виделась, а потом случайно встретились! – Молодая женщина, лет тридцати, не больше, представилась Джузеппиной.

Так, первая из внучек. Но не отравительница, никаких сомнений. Попытка отравления бабушки сделала бы Джузеппину нервной, а не такой... бабочкой без лишних мыслей в голове.

К концу ужина у Николетты заболела голова.

Беньямино, элегантный ухоженный мужчина за пятьдесят сообщил, что она выглядит прекрасно и ее визит восхитителен. Он долго делился успехами своего банка, потом Джузеппина с Виолеттой обсуждали последний показ мод в Милане, потом они много ели и пили, потом все лица слились в одно и Николетта перестала понимать кто из этой компании кому кем приходится.

И поймала себя на мысли, что проще отравить хозяйку, чем разбираться в ее многочисленных родственниках и приезжать на утомительные обеды. Тем более, что кухарка... Кыр-как-ее-там... в подметки не годилась не только Пенелопе, но и многим другим жительницам деревни, готовила она отвратно.

Потом обсуждали кошек и пытались решить, кто лучше- собаки или кошки, потом появилась еще одна молодая женщина, как две капли воды похожая на Джузеппину, а потом Николетте показалось, что, несмотря на толпу, за столом кого-то не хватает. Она сыто икнула и спросила: - А где Гильельмо?

Наступила тишина. Сидящие за столом переглядывались и осмысливали вопрос. Потом Виолетта сказала:

- Эльмо ест в своей комнате когда много народа. Он не любит толпу. Хотя... и я не могу сказать что люблю.

Виолетта внимательно оглядела стол. Ее почти не слушали. Когда выяснилось, кого не хватает и где эта персона находится, снова замелькали ножи, ложки и вилки. Привычный порядок восстановлен.

Но они снова подняли головы, потому что в голосе хозяйки послышалось что-то необычное.

- Но я пыталась уговорить его спуститься сегодня вечером. Хотела, чтобы были все вместе. Ведь это один из вас.

Наступила тишина, все уставились на Виолетту.

- Верно. Один из вас пытался меня отравить Мышьяком.

Ее глаза сияли почти восторгом. Виолетта наслаждалась спектаклем.

«Точно, вот оно! Это не может быть реальностью, это спектакль, а я совершенно случайно вышла из-за кулис и оказалась на сцене среди действующих лиц!»- подумала Николетта.

Все продолжали молча смотреть на хозяйку дома. А та мило улыбнулась:

- Мерзкая штука, мышьяк. Некоторые добавляют его в суп.

Беньямино уронил ложку, которую собирался поднести к губам, но застыл в последнюю минуту. Ложка упала обратно в тарелку с громким стуком. Стало ясно, что ужин заканчивается не так, как планировали присутствующие.

Раздались возгласы изумления и недоверия. Виолетта продолжала мило улыбаться и отвечала, что не стоит обсуждать за едой такие вещи, как будто сама не начала этот разговор.

Присутствующие с опаской смотрели на еду в своих тарелках, потом с какой-то бравадой делали решительный укус. Похоже все чувствовали себя дегустаторами Родриго Борджа на ватиканском обеде.

- Но, мама,- начал Беньямино.

Виолетта покачала головой.

- Когда ты доживешь до моих лет, figlio mio, то станешь думать прежде о пищеварении, а потом о разговорах.

Беньямино снова открыл рот, но Виолетта бросила салфетку на стол, объявила, что идет в свою комнату отдыхать, и удалилась.

Все разом зашевелились, встали из-за стола. Николетте не удалось сбежать, рядом нарисовался банкир Беньямино, цепко схватил ее за локоть и поинтересовался:

- Ну? Что всё это значит? А?

Николетта попыталась высвободиться, поерзала. Ничего не получилось и она тихо ответила:

- Ну... ваша мать думает, что ее хотят отравить.

- Я это слышал.

- Я знаю столько же, сколько и вы.

- Неправда. Я слышал о вас. Расследования и все такое. Но это все чепуха.

«Конечно, чепуха, так, пара - тройка убийств», - подумала Николетта и пожалела, что ввязалась в эту историю.

- Ну, продолжайте.- Потребовал банкир.- Что она вам рассказала?

Сформулировать кратко или хотя бы внятно то, что рассказала Виолетта, было невозможно. Слишком много недомолвок, лирических отступлений и заявлений о том, что был бы жив ее первый муж, он никому не позволил бы ее отравить.

Впервые Николетта подумала, что синьора Скарчелла выжила из ума.

Один ухаживает за своей могилой, вторая ждет отравления. Может, что-то случилось с местным воздухом?

Тем не менее она сообщила, что Беньямино наверняка должен помнить, как неделю назад его мать почувствовала себя плохо после завтрака, ей становилось все хуже и пришлось вызвать врача.

Банкир пожал плечами. - Она что-то съела. Я так и сказал тогда.

- Да.- Согласилась Николетта.- Что-то съела. Мышьяк.

Банкир фыркнул.

- Когда ей стало плохо она собрала то, что... вы меня понимаете... и отправила на анализ. Пришел отчет. Там говорилось о мышьяке.

- Она показала вам отчет?

Николетта отрицательно покачала головой.

Беньямино снова фыркнул. - Что и требовалось доказать. Одни слова. Никто не видел отчета. Его не существует. Мать стареет, ей девятый десяток. Нельзя есть все подряд, как в молодости. Она все выдумала, синьора. Конечно, она могла случайно проглотить немного мышьяка...

- Если она крыса.

- Что?

- Человек не может проглотить мышьяк случайно за завтраком.

- Синьора, это все... семейное дело. Мать стареет. Мозг сдает и бог знает, что придет ей в голову в следующий раз. Это типично для слабоумия, считать, что тебя хотят отравить или украсть твои деньги.

- Не спорю. Но придумать мышьяк...

- Ее жизнь была насыщена событиями и... мужьями. Немудрено погрузиться в фантазии на склоне лет. В общем... я рассчитываю на вас, синьора. Убедите мою мать, что нет никакой опасности.

* * *

Николетта вернулась в свою комнату, опустилась на кровать и задумалась. Скорее всего Беньямино прав. У Виолетты Скарчеллы едет крыша.

- Пресвятая Дева, убереги меня!- зашептала она молитву, только не это, только не так!

И тут же упокоилась. Если она не видела отчета, то видела письмо, более того, она сама, своими руками отправила письмо в адрес этого дома. А значит, тут действительно что-то не ладно.

Душераздирающие звуки заставили ее подскочить на месте. Звуки продолжались, казалось из кого-то заживо тянут жилы.

Николетта вскочила, выбежала в коридор. Так... откуда-то снизу, второй этаж.

Она спустилась по лестнице, борясь с желанием заткнуть уши, но тогда она не узнает, откуда идет этот ужасный звук!

На втором этаже никого не было кроме горничной Элизы, но та спокойно шла навстречу со стопкой чистых полотенец.

- Шшшшш этооо?- Прошептала Николетта.

Элиза взглянула с недоумением, потом сообразила и расплылась в улыбке.

- Это Брамс.

- Что? Брамс?

- Джузеппина каждый вечер убивает его на своей скрипке.

- Брамса... на скрипке?

- Все сходят с ума по-своему,- философски заметила горничная.- Это, по крайней мере, вполне безобидно.

Каждая отдельная нота висела в тишине длинных коридоров и лестницы со ступенями, истертыми множеством ног. Оштукатуренные головы ангелов, поддерживающие лепные украшения на потолке, слушали эту немецкую музыку с удивлением, и действительно, при всем желании они никогда и нигде подобного бы не услышали.

Хрупкое кружево перил вибрировало по всей своей длине, как железная арфа.

Скрипачка спотыкалась на одной и той же ноте и повторяла ее самозабвенно снова и снова и у Николетты внезапно разболелась челюсть.

- Джузеппина, прекрати! – раздался крик Беньямино.- Хватит уже!

Он появился с другой стороны коридора и энергично застучал в двери Джузеппины.

- Ну вот, беспокоиться не о чем,- сказала горничная. Этим всегда и заканчивается. Но знаете, что я вам скажу... когда ветры потерянных лет дуют сквозь деревья, соната Брамса не может быть хорошей защитой от одиночества.

Николетта изумленно уставилась на горничную. Вот это да! Да они тут все... сумасшедшие!

А Элиза понизила голос:

- На вашем месте я не обращала бы внимания на эту какофонию. Она гораздо невиннее того шума, что он издает на чердаке.

- Кто он?

- Тот, кто ходит там по ночам.

- И почему ты мне это рассказываешь?

- Потому, что мне страшно,- еще тише ответила горничная.- Я уже предупредила хозяйку, что со следующей недели увольняюсь.

- И ты не знаешь, кто он?

- О, он никогда не показывается. Но иногда, помимо шагов, я слышу его тяжелое дыхание. Он останавливается. И становится совсем тихо. Но я знаю, что он там, что он наблюдает и ждет.

- И... как ты думаешь, что он ищет? — спросила Николетта, ощутив неуверенность.

- Откуда я могу знать? Вы же знаете, как выглядят чердаки в таких домах. Там есть вещи, которым, должно быть, сто лет. В любом случае он не устраивает беспорядка. Я знаю. Я поднималась туда, чтобы посмотреть. Чердаки — очень пыльные места.

Горничная повернулась и пошла по коридору, оставив Николетту в полном недоумении.

«Черт побери!»- иногда даже учительницам на пенсии позволено произносить такие слова.- «Accidenti! Что происходит в этом сумасшедшем доме?»

Она уже собиралась вернуться в комнату, как вдруг над головой, прямо над потолком, раздался звук. Словно тело волокли по деревянному полу. Один раз. Второй. И затишье.

Николетта замерла, прислушиваясь. Горничная сказала, что он не показывается. Но ведь она не говорила, что он не спускается...

Madonna Santissima! Здесь точно сойдешь с ума. Она же на втором этаже, а над ней третий, а не чердак. Кто-то просто двигает мягкую мебель, пуфик или что-то в этом роде.

Она сделала шаг к лестнице и в этот момент за спиной в одной из комнат что-то громко шлепнулось на пол и разлетелось на сотни осколков. Донесся женский вскрик.

«Пресвятая дева!»- Прошептала Николетта и пообещала себе непременно сходить на вечернюю мессу.

Глава 3.

Пенелопа раскатывала тесто для свежей пасты без спешки, легко надавливая ладонью, будто гладила плотный бархат. В распахнутом окне царило лето, ветер приносил запахи тимьяна и розмарина с террасы.

С появлением Николетты в желтом домике на горе сад расцвел не только цветами для всех сезонов, скоро появятся мясистые, глянцевые помидорчики Сан Марцано, острые перчики... а зимой их будут согревать пеперончини круски.

«Не все горькое — зло. Возьмите «*perignoncini cruschi*» - хрустят, жгут язык, заставляют глаза слезиться... а потом раскрываются сладостью, о которой никто и не догадывался. Так и люди. Особенно те, кто кажется колючим. Карабинер Брандолини, например: суровый, как старый сыр из пещеры, а внутри - теплота. Или старик Анджело, что ругается на голубей каждое утро: ему просто не с кем поговорить.»

Поэтому Пенелопа всегда кладет перец в соус для пасты. Каждое лето внуки собирают перчики, нанизывают на нитку иглой, создавая своего рода ожерелье, а затем высушивают на солнце. А потом - ох, святые угодники! — их можно обжарить на сковороде с оливковым маслом до хрустящей золотистой корочки. А можно и просто хрустеть с аперитивом- крус-крус, хрусть-хрусть. А вы думали, откуда такое название!

Раздался стук в дверь и маэстра улыбнулась. Стоит вспомнить- и он тут как тут. Как будто она сама не справится! То Сирена позвонит, то... он будет сейчас рассказывать, что случайно шел мимо. На самой верхушке горы, ну, конечно!

Все еще улыбаясь, она отворила двери.

На пороге стоял марешалло Брандолини, держа в руке бутылку вина.

— Проходил мимо, — сказал он. — Решил заглянуть, узнать, как ты.

— Заходи. Как раз пасту леплю. Но соус самый простой.

Она вернулась к доске, нарезала тесто на полоски, крикнула не оборачиваясь: — Поставь воду!

Он давно уже свой, какие могут быть церемонии.

Пока паста варилась, она налила в сковороду немного оливкового масла, бросила зубчик чеснока и раскрошила руками пару веточек тимьяна. И совсем чуть-чуть сухого перчика, для ярких искорок в пасте и иголочек на языке. Иногда простота и аромат трав обнимают теплее рук.

— Синьора Скарчелла думает, что её хотят отравить, — сказала она, помешивая соус. — В доме, где все время крутится толпа народа.

Брандолини разлил вино по бокалам, поставил тарелки.

— Может, она просто боится одиночества? Иногда в толпе одиночество ощущается сильнее чем наедине с собой. Вот и придумывает врагов, чтобы чувствовать заботу.

— Быть может, — кивнула Пенелопа. — Но это напомнило мне один случай из школы. Была одна девочка... уверяла, что над ней смеются. Учителя проверяли — нет, никто ее не обижал. Все было в порядке. А потом выяснилось: один мальчик действительно ненавидел её. Тихо, незаметно для остальных, но заметно для нее.

Она добавила к соусу немного воды, в которой варилась паста, бросила щепотку пекорино. Потом выложила соус в кастрюльку с пастой, перемешала тщательно, чтобы пористое, рыхлое тесто впитало аромат травы и горчинку перчика.

— В шумящей толпе всегда есть тот, кто молчит. Потому что его слова — яд. И он ждёт момента, когда сможет капнуть незаметно.

Брандолини помолчал. Отпил глоток вина. Терпкое альянико обволокло горло, затуманило мысли.

— Ты думаешь, у этой синьоры... не просто страх?

— Я думаю, — ответила Пенелопа, подавая тарелку с пастой, — что если человек говорит «меня хотят отравить» — не всегда стоит принимать это так буквально. Но никогда нельзя отмахиваться.

Они сели за стол. За окном закричали ласточки.

А в столовой пахло тимьяном, щипал язык перчик и стояла та особенная тишина, что рождается, когда слова не нужны.

После ужина Брандолини повздыхал, напустил печали в глаза. Пенелопа скрывала улыбку, но в конце концов сжалась.

- Ты можешь остаться, Бани Брандолини. Иначе мы оба станем переживать. Я- представляя, как ты возвращаешься в ночь в свою казарму, ты - думая, что оставил старую женщину в одиночестве, а ненужные переживания непродуктивны.

Брандолини что-то пробормотал, но не слишком настойчиво.

- Открою тебе секрет. Я привыкла к Николетте. Я никогда не чувствовала себя одинокой, дети, внуки, правнуки в двух шагах и пригласила ее жить со мной, потому что видела, как она несчастна. Это оказалось лучшим решением в моей жизни. Потому что никто не должен ужинать в одиночестве, Бани Брандолини и я благодарна, что ты пришел. Я представила, как останусь одна этой ночью и мне стало неуютно. Так что ты не создаешь мне неудобство, ты делаешь мне одолжение.

- А еще из вас вышла неплохая команда по расследованию.

Пенелопа усмехнулась:- Выходит, и вправду это было лучшее решение в моей жизни.

Плечи карабинера расслабились и он устроился поудобнее. Когда человек знает, что ему не придется вставать с мягкого дивана, выходить за дверь и идти через весь городок к своей жесткой постели в маленькой казарме, он меняется и даже серые глаза приобретают оттенок летнего неба.

Карабинер с благодарностью принял вторую чашечку кофе.

- Ты не жалеешь, что...

-Что больше не способна на приключения? Нет, не жалею. Ты не представляешь, сколько возможностей для путешествий дают книги! Сидя в кресле ты оказываешься в дальних странах и в самой гуще интересных событий, а дальше все зависит от способностей автора и твоей собственной фантазии. Но я немного волнуюсь за Летту. Порой она слишком импульсивна и начинает действовать прежде, чем хорошо обдумает свои шаги.

-Я тоже,- вздохнул Брандолини,- я тоже. Завтра с утра я получу сведения обо всех, живущих в доме. Это же хороший повод навестить Летту?

Мягкий свет торшера убаюкивал и карабинер начал клевать носом.

- Я думаю, ты прекрасно устроишься в гостевой спальне,- начала Пенелопа, но он уже не слышал, крепко спал, так что ей осталось лишь накрыть его пледом и погасить свет.

Она заснула с улыбкой, думая о том, как им всем повезло встретиться и подружиться, хотя они не в том возрасте, когда легко и открыто признаются в этом друг другу. Но в данном случае этого и не требовалось.

Глава 4.

Николетта проснулась в полной темноте и в первый момент не поняла, где находится. Из окна ее спальни на вершине горы даже глухой ночью были видны десятки огней уличных фонарей внизу; ночь обостряет звуки и шум запоздалых автомобилей вдалеке изредка нарушал тишину. Но здесь, в одиноком доме в пяти километрах от деревни, стояла абсолютная темнота. Даже луна давно уже спряталась за гору.

Звуки... звуки были. Пела какая-то непоседливая птица, которой тоже не спалось, шелетели дубы, скрипели половицы. Как любой старый дом, и этот вздыхал, кряхтел, катал железные шарики в перекрытиях между этажами. Вот ведь, загадка: кто катает шарики по ночам? А между тем это общее явление и в старых и в современных домах и многочисленные «научные» объяснения так и не проясняли ситуации.

Николетта натянула одеяло по подбородок и, прислушиваясь к шарикам, вздохам и скрипам, постепенно стала погружаться в сон. И вдруг сон как рукой сняло. Скрипам? Но это не просто скрипы, это звук старых досок по которым кто-то ходит на чердаке!

Она включила лампу у кровати, накинула халат, засунула ноги в тапочки и осторожно прокралась к двери. Так же осторожно, боясь разбудить весь дом, приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Никого, лишь тускло светят трехлапые бра над столиком, прислоненном к стене.

Человек над головой ходил неторопливо, словно имел полное право находится на чердаке посреди ночи. Он не был призраком, шаги тяжелы. Николетте показалось, что она даже различает одышку человека, только что забравшегося на чердак по крутой лестнице. А потом они пропали. Просто смолкли и все.

Николетта постояла некоторое время, сгорая от любопытства и не думая, как она будет выглядеть в халате и тапочках, если кто-то еще выйдет в коридор. Но никто не вышел, шагов больше не слышалось и она также осторожно, как выходила, добралась до постели, выключила свет и снова натянула одеяло до подбородка, не забыв перед этим повернуть ключ в двери.

Она так старательно прислушивалась и ловила каждый звук, что сама не заметила как уснула.

* * *

Завтракать пришлось в одиночестве, остальные жители дома, включая банкира Бартоломео, не утруждали себя ранними подъемами. Николетта торопливо выпила кофе, съела песочное пирожное и поспешила в дубовую рощу, чувствуя себя школьницей на первом свидании. Они с Брандолини еще никогда не встречались тайно и вообще... она никогда и ни с кем не бегала на тайные свидания. Было в этом что-то... захватывающее. Во всяком случае она разволновалась и появилась на тропинке с покрасневшими щеками.

И как же Николетта обрадовалась, увидев карабинера! Хотя они часто ссорились, в большей степени из-за ее, признаем честно, безрассудства, в его присутствии женщина чувствовала себя в безопасности.

- Твоя новая знакомая – особа весьма интересная. Во всяком случае она столько раз выходила замуж, что компьютер чуть не завис, систематизируя информацию о ее мужьях и их родственниках. Большую часть мы можем опустить, потому что совместных детей у нашей синьоры с этими мужьями не было. Должен признаться, я до сих пор в недоумении: зачем столько браков?

- Возможно она чувствовала себя одинокой.

- Два сына, внуки, странный тип, который живет с ней много лет – как можно чувствовать себя одинокой в такой толпе?

-Родственники,- изрекла Николетта,- не то же самое, даже дети и внуки. Каждому хочется чувствовать, что он кому-то нужен. Ну... кому-то со стороны, я имею в виду. Вот, например, у нее две кошки, которых Виолетта любит и берет с собой, куда бы не отправлялась, даже на пару часов. Но это же совсем не то, что муж!- Тут Николетта покраснела и сбилась.- Ну, то есть... друг, любимый человек... ну, ты меня понял.

Брандолини пребывал в некотором замешательстве. – Допустим... но что мешало остановиться на одном муже?

- Он умер.

- Va bene, на втором?

- Возможно, он ей... не подошел.

Брандолини закатил глаза.

- Это создает множество проблем... как минимум с банковскими счетами и документами.

- Возможно она из тех, кто умирает со скуки если жизнь упорядочена и размерена.

- Пусть купит козу, стадо овец и... выроет пруд и запустит туда рыбок.

- Я об эмоциональной сфере, ну как ты не понимаешь?

-Баловство все это, испорченность и отсутствие эмпатии, а не поиски второй половины.

- В общем, сын, который банкир, решил, что мать сбрендила,- срочно сменила тему Николетта. Какой он, право... бесчувственный порой, этот Бани Брандолини!

- Ха! До него только дошло?

- И уверен, что не было никакого отравления и никакого анализа. Тем более, что дом всегда полон народа. И банкир, и убийца Брамса, и вторая внучка, и горничная, и кухарка, и дворецкий, и Эльмо наверху.

- В каком смысле Эльмо наверху? И... убийца кого? Я ничего не понял.

- Неважно, я просто так называю их про себя, чтобы не запутаться. Эта девица каждый вечер убивает Брамса, играя на скрипке. Боюсь, второго такого представления мои зубы не вынесут. И... этот Эльмо, он никогда не показывается, всегда наверху. Кстати!- Николетта рассказала карабинеру про шаги и слова горничной.

- С горничной все нормально, это ее третья работа в качестве домработницы и отзывы вполне комплиментарные. А вот повариха совсем не Кьяра Джованетти, а Кьяра Гуанчале.

- Зачем она притворяется Джованетти?

- А ты взяла бы на работу человека с фамилией «свиные щечки»?

- Ну... когда-то я знала человека по фамилии «священные панталоны», Сакрипанти. Так что щечки звучат вполне нормально, особенно для поварихи. Вот только готовит она ужасно.

- Теперь Эльмо. Никакого родственника по имени Гильельмо ни у Виолетты, ни у ее мужей компьютер не нашел. Хорошо бы узнать его фамилию.

- А вдруг он призрак? И топает по ночам на чердаке? – округлила глаза Николетта.

Брандолини хмыкнул, посоветовал умерить фантазию, смотреть в оба, а лучше возвращаться домой. И отбыл в казарму.

А Николетта вернулась в дом с видом человека, совершившего утренний моцион, и сразу направилась на кухню.

* * *

«Свиные щечки» с таким остервенением мешали что-то в кастрюле, что Николетта отошла на безопасную дистанцию. Эдак не успеешь оглянуться, как покроешься томатом с ног до головы!

- Что вам? – сердито буркнула Кьяра.- Не боитесь, что отравлю?

- Почему я должна бояться?

- А почему они все боятся? Заказали обед в ресторане и ужин тоже, так, глядишь, еще и не заплатят за работу. А я тут причем? Это я, что ли, отравила хозяйку? И вообще никто ее не травил, а иначе почему она осталась жива?

«Действительно, почему? Отравитель оказался неумехой или это было предупреждение, а не попытка убийства?»

- Ну, не думаю, что вы захотите меня отравить, я же не член семьи. Так что я не откажусь от чашечки кофе.

- Но суετε нос во все дыры. Мешаетесь под ногами,- буркнула повариха, но прекратила издеваться над соусом.

Как ни странно, кофе оказался вполне сносным.

- Так что было в то утро? Кто присутствовал на завтраке?

- Те, что и сейчас. Когда я подавала кофе, ее сын, который банкир, говорил что-то о завещании, что они могут быть спокойны, бывшим мужьям она не оставила ни цента. Все детям.

- Это он при матери такие разговоры вел?

- Нет, хозяйка уже ушла.

- И он что, видел завещание?

- Видел ли, не знаю, но ему рассказал нотариус. Он сам так сказал, да покарают меня сантиссими санти, если я вру!

- А потом хозяйка вызвала *ambulanza*?

- Да, когда ей совсем заплохело. Но я тут не причем. Мне-то зачем ее травить?

«Учитывая, как ты готовишь, и умысла не нужно»- подумала Николетта и на всякий случай отставила чашку, из которой успела сделать один глоток.

- Знаете, синьора, на вашем месте я бы тут не крутилась. Всё это полная ерунда. И вообще это для карабинеров. Для властей. Но, между нами говоря, это всего лишь возраст, это я вам точно говорю. Она больше не молода и с этим надо смириться.

- Может, вы и правы,- задумчиво кивнула Николетта и быстренько юркнула за дверь, пока повариха не заставила ее допивать кофе. С нее станется!

* * *

Не представляя, чем заняться дальше, Николетта бесцельно шла по коридору, пока не увидела одну из кошек. То ли Раффи, то ли Таффи воровато оглянулся и втянулся в узкую щель в дверях одной из комнат. Вроде там была библиотека, и, как бы синьора Скарчелла не любила кошек, им вряд ли разрешено заходить в библиотеку, отсюда такой шкодливый вид.

Николетта решительно потянула дверь и ступила в полумрак. Плотные шторы задернуты, горит лишь маленькая лампа в мягком абажуре на журнальном столике.

Кошка тут же смылась, скользнув за дверь между ее ног. Но не уходит же, тем более что Николетта не придумала себе занятия.

Из коридора послышались голоса. Они приблизились и остановились прямо за дверью, у которой стояла Николетта. Две внучки, больше некому.

- Но, Кла, мне нужно было что-то придумать. Я никак не могла знать...

- Хорошо, *carissima*, я понимаю. Просто в этой ситуации...

Николетта замерла, стараясь не дышать. Если они сейчас войдут в библиотеку, то сцена будет более, чем неловкой.

- Подожди, Кла. Я и так достаточно наслушалась гадостей от разных людей. Я просто хочу его увидеть.

- В этом вопросе, - в голосе прозвучало ехидство – вы с ним, похоже, расходитесь. Если бы он хотел, то пришел бы.

- Бывают непредвиденные обстоятельства. Он... он мне позвонил.

- Да неужели?

- Представь себе. Он... он чувствует то же самое. И не надо все портить.

- Я не порчу, я пытаюсь помочь

- И выставить меня дурой. Если бы не эта сволочь... убила бы! Но что он может сделать, Кла? Ничего. Он ничего не знает.

Голоса удалились, а Николетта стояла в замешательстве. Нет, это вряд ли связано с отравлением. У Джузеппины, похоже, любовные проблемы, а сестра ее доверенное лицо. И они точно говорили о «сволочи» в мужском роде, значит это не может быть их бабушка.

В центре библиотеки стоял большой тяжелый стол, накрытый бархатной бордовой скатертью, достаточно длинный, чтобы вместить всю семью. Николетта подошла к шкафам, оглядела полки и нашла томик Итало Кальвино, чьи повести она давно собиралась перечитать. Села на один из стульев, расставленных вокруг стола, раскрыла книгу, но после десяти минут чтения глаза начали слипаться. Слишком темно.

Она опустила руки, чтобы отодвинуть стул и встать, и даже начала подниматься, но замерла в полуприседе. В библиотеке стало очень холодно. Так холодно, что все внутри Николетты буквально покрылось льдом.

Потому что рядом с ней... Она опустила глаза вниз, попыталась рассмотреть, что находится под столом. Наконец встала, отодвинула стул и наклонилась – и увидела тело, безвольно лежавшее на полу, прислонившись к соседнему стулу.

Это было тело мужчины, и оно было ужасно. Там, где подразумевался затылок, осталось что-то бесформенное с клочками черных волос.

А потом кто-то заорал истошным голосом и Николетта не сразу поняла, что кричит она сама.

Глава 5.

- Кто это? – Спросил Брандолини, когда Николетта выпила целую бадью кофе на кухне «свиных щечек» и ее собственные щеки порозовели.

- Я не знаю. А то, что я видела, не позволяло...- она снова побледнела.

- Перестань дрожать. Все уже прошло.

Это звучало так... надежно и она сразу перестала.

- Ты как?

Она неопределенно пожала плечами. – До сих пор все убийства, с которыми я сталкивалась, обходились без... крови. Как я? Наверное в шоке. Но разве ты не должен быть... там?

- Там Паоло.

Молодой карабинер пользовался особым расположением Николетты после того, как спас ей жизнь. Вечно краснеющий юноша оказался достаточно сообразительным в непонятной ситуации и теперь она окончательно успокоилась.

- Здесь есть какое-то помещение, где можно расположиться? Хозяйка все еще спит, ты покажешь?

- Гостиная...- неуверенно сказала Николетта.- Наверное она подойдет. Я провожу.

На лестнице толпились домочадцы, которых карабинеры не пускали в коридор.

- Можете разойтись по своим комнатам,- сказал Брандолини.- Мы обо всем позаботимся.

Это звучало утешительно, а может, солидная фигура начальника карабинеров внушала уверенность, потому что родственники, перешептываясь, начали расходиться.

Николетта юркнула в двери гостиной вслед за маршалло. Она окончательно пришла в себя, ведь приехали карабинеры!

Тихой мышкой села в сторонке, надеясь, что Брандолини ее не выгонит.

Дверь гостиной распахнулась и на пороге появилась Виолетта Скарчелла, еще более громоздкая в ярко-красном платье. Николетте показалось, что у нее даже цвет волос изменился, в нем появилась рыжина.

- Ну? Зачем так шуметь? Вы мертвецов разбудите!

- Боюсь, что уже нет.- Пискнула Николетта со своего места.

- Не понимаю. Что происходит и что здесь делают карабинеры? Я же ясно сказала, что не хочу огласки!

- Синьора, вам придется пройти с нами в библиотеку.

- То есть она вам позвонила, да? Несмотря на то, что я ей сказала!

- Дело не в мышьяке,- снова пискнула Николетта.- Это... другое. Какой-то мужчина в библиотеке.

- Абсурд.- Безапелляционно заявила хозяйка.- Совершеннейший абсурд. Что ему там делать?

- Ну, теперь он уже ничего не делает. Он мертв. Мне... жаль.

- О!

Она не успела ничего больше произнести, вмешался Брандолини.

- Вы синьора Виолетта Скарчелла? Хорошо. Мне нужно, что вы посмотрели на... тело. Как только судмедэксперт закончит. Это будет неприятно, но...

- Вы кем меня считаете, молодой человек? Дряхлой развалиной? Думаете, я никогда раньше не видела мертвецов?

Глаза Николетты округлились, а Брандолини ухмыльнулся. – Ну, многие, знаете ли, не видели.

Двери распахнулись и на пороге появился банкир Бартоломео.

- Я сразу развернул машину, как только мне позвонили. Его уже опознали? Офицеры, лучше это сделаю я. Опознаю. Мама слишком... слаба.

- Слаба? - Возмутилась Виолетта.

Но Брандолини кивнул и банкир в сопровождении Паоло отправился в библиотеку. Вернулся через пару минут.

- Это... твой муж, мама. Один из... Стефано. Погиб. Извини, что сообщаю тебе. Не хотелось бы быть тем, кто...

- Не бормочи, говори нормально. - синьора Скарчелла с интересом оглядела сына. - Ты же не убил его, дорогой?

- О! - Теперь сказала Николетта.

Брандолини встал. - Я должен поговорить с вами со всеми. С членами семьи. Но сначала я хочу поговорить с Ни... синьорой Денизи. Дайте нам минутку.

- Никто не удивлен, правда? - синьора Скарчелла плюхнулась в кресло. - Все они обижены на бедного Стефано. Думали, он хочет доли в наследстве.

- Мама, ну что ты говоришь!

- Но это же не ты его застрелил?

- Минуточку. - остановился Брандолини. Он говорил тихо, но тон его голоса Николетте не понравился.

- Почему вы решили, что в него стреляли, синьора? Никто этого не упоминал.

Николетта уставилась на хозяйку дома. Та глянула на нее и быстро перевела взгляд на карабинера.

- Ну... А разве в него не стреляли?

Тот медленно кивнул. - В него стреляли. Но откуда вы это узнали?

- Что вы такое говорите, молодой человек? Откуда мне это узнать? Он просто мужчина. Предполагается, что мужчин убивают, когда в них стреляют. - Она секунду помолчала. - А женщин обычно отравляют, не так ли?

Лицо Брандолини не изменилось, но Николетта знала его достаточно хорошо, чтобы понимать - он озадачен. Она встала и сказала: - Пойдемте, маршалло, - и направилась к двери. - Мы выйдем во двор.

- Естественно, - ответила Виолетта Скарчелла, но никто не понял, что она имела в виду.

Во дворе Брандолини выдохнул:

- Фух! Что это было? Что это за женщина, черт побери?

Николетта хихикнула. - А каково мне!

- Как только мы закончим разговаривать с членами семьи, ты уберешься из этого дома. В любом случае, теперь тебе здесь нечего делать, расследованием убийства будем заниматься мы.

- Но я смогу узнать то, чего никогда не скажут карабинерам. (Сколько раз она уже произносила эти слова!) Ты же знаешь, как это бывает.

- В этом доме оставаться опасно. Действительно опасно. До сих пор речь шла о гипотетическом покушении на отравление и ты не представляла собой угрозы. Всегда можно списать это на выдумку эксцентричной синьоры. Но убийство совсем другое дело, так что собирай вещи, уедешь со мной. И не спорь!

На самом деле Николетта и не собиралась спорить. Ей и до убийства было очень неудобно в этом доме, а теперь абсолютно не хотелось здесь оставаться. Но дух противоречия...

Она поджала губы, изобразив обиду и отправилась в дом собирать вещи. Обернулась: - Лучше поговори с банкиром. Он выглядит самым здравомыслящим в этом доме. Синьора Скарчелла не помнит половины своих мужей.

- Или притворяется.

- Этого я так и не поняла. Но склоняюсь к мысли, что она действительно... странновата.

* * *

- Ну? – невежливо спросил Брандолини у банкира.

- Стефано был четвертым мужем моей матери. Не очень приятным человеком. Мои племянницы иначе как сволочью или змеей его не называли.

- И ваша мать не слишком расстроена, правда?

- По ней трудно сказать. Она... в общем, она вот такая.

- Как вы думаете, почему она решила, что в него стреляли?

Банкир на мгновение задумался. – Видите ли... у моей матери очень четкие представления о том, как должны вести себя мужчины и женщины. Думаю, это вписано в ее карту мира. Если бы события происходили лет триста назад, она была бы уверена, что его закололи шпагой. А в наше время... она считает убийство и выстрел синонимами.

Брандолини слегка наклонил голову.

- А женщин травят,- продолжал банкир.- Поэтому она и думает что кто-то пытался ее отравить.

- А вы не думаете?

- Не думаю. Это... эпатаж. Ей стало скучно. Нового мужа на горизонте не появилось.

- Вы всерьез думаете, что ваша мать могла бы снова выйти замуж? В восемьдесят лет?

- Восемьдесят четыре, если быть точным. Да, думаю. Не удивился бы. Хотя не понимаю, что мужчины в ней находят. Кроме денег, конечно.

- У вас есть еще один брат, живущий в Милане, а у него сын.

- Сводный брат. Они здесь не появляются.

- И не претендуют на завешание?

- Кроме сына у него две дочери. Вот они постоянно приезжают сюда. Поддерживают связь за ту часть семьи, так сказать.

- Кому отписано имущество в случае... смерти вашей матери.

- Не буду кривить душой, марешалло. Я нашел способ ознакомиться с завещанием. Все разделено между двумя детьми и тремя внуками. Детям достается большая часть, внукам меньшая. У меня нет детей, поэтому доля моего сводного брата больше. Но мне отходит этот дом и виллетта на море.

- Расскажите об отравлении. О том дне, когда это случилось.

- Когда это случилось по мнению моей матери, марешалло. Это было недели две назад. Мать почувствовала себя плохо после завтрака и ей было плохо весь день и всю ночь. Вызвали врача, он диагностировал острое несварение. Мать уверяет, что сохранила образцы... э... съеденного и вышедшего, отправила на анализ, который показал наличие мышьяка.

- Вы видели результаты анализа?

- Конечно нет. И никто не видел. Его не существует. Подумайте - если вам стало очень плохо, вы побеспокоитесь о сборе образцов на анализ? Да у вас сил на это не будет!

- Расскажите о Стефано.

- Это самый неудачный брак моей матери. Стефано был... червяком. Пиявкой. Ему нужны были только ее деньги. Когда она поняла, они расстались.

- Где вы были сегодня утром?

- Я встал в 8.30. Позавтракал. И сразу уехал на работу. Это было примерно около десяти. Не было необходимости в моем раннем присутствии в банке. Но почему вы спрашиваете? Его убили утром?

- По мнению экспертов примерно в три-четыре часа утра. Удивительно, что он пролежал там весь день и никто его не обнаружил.

* * *

На самом деле ничего удивительного в этом не было. В библиотеку в тот день никто не заходил, а если бы и зашел, то вряд ли увидел бы тело под столом. Даже Николетта не заметила бы, сядь она на другой стул. Горничная также не заходила в библиотеку, так как убирала там

два дня назад. Дом довольно большой и многие комнаты, которые не часто используют, она убирала лишь раз в две недели.

Что касается траектории пули, то стреляли снизу, убийца был ниже жертвы. Но это возможно, если Стефано был чем-то взволнован, расхаживал взад-вперед, а убийца сидел на стуле. Но тогда убийца испачкался бы в крови жертвы. Или жертву отбросило выстрелом, но тогда как Стефано оказался под столом? Пистолета, конечно, не обнаружили. Значит, нужен обыск в доме и на прилегающей территории, хотя у убийцы было достаточно времени, чтобы увезти пистолет подальше от дома.

Из беседы с членами семьи выяснилось, что к Стефано все плохо относились. Никто толком ничего о нём не знал, кроме того, что он постоянно слонялся повсюду. Зависал в ночных клубах и тому подобное. Конечно, он был намного моложе и активно пользовался деньгами жены. С Виолеттой он был наигранно сентиментальным, сюсюкал и льстил.

А еще никто не слышал выстрела.

И никто не знал, сколько на самом деле денег у синьоры Скарчеллы. Даже сын банкир представлял лишь стоимость недвижимого имущества. Деньги она держала в другом банке. Это могли быть тысячи евро, миллионы, или совсем небольшие суммы. Выяснить это без согласия самой синьоры невозможно, она не является жертвой преступления или предполагаемым убийцей и ни один судья-магистрат не даст на это разрешения.

Главная проблема заключалась в том, что Стефано вообще не должно быть в доме, тем более, мертвым. Зачем он явился, да еще тайно?

* * *

Синьора Скарчелла была опрошена последней. Войдя в гостиную, она потребовала присутствия Николетты, потому что «никогда не доверяла карабинерам, а Николетта Денизи проявляет достаточную разумность».

«Вот разумности в этом деле как раз и не хватает», - подумал Брандолини и не возражал, хотя разумность была коньком Пенелопы, а совсем не Николетты.

Синьора Скарчелла оделась в черное, хотя развелась со Стефано десять лет назад. Волосы тоже странным образом потемнели. И лишь в тот момент, когда Виолетта слишком энергично потряхнула головой и волосы сползли на нос, до Николетты дошло, что все это время она просто меняла парики.

Брандолини снова смотрел с изумлением. Таких женщин он в своей жизни еще не встречал и начинал понимать, почему Виолетта пользовалась таким спросом у самых разных мужчин. Дело не только в деньгах, после общения с ней все остальные женщины покажутся пресными.

Он с нежностью взглянул на Николетту. Вот уж кого нельзя было назвать пресной, хотя по сравнению с синьорой Скарчелла она была образцом скромности и здравомыслия.

Виолетта села в кресло, отчего пружины взвыли, и оглянулась юного Паоло, который смотрел на нее с открытым ртом.

«Оей», - подумала Николетта, - «Как бы этот удав не проглотил мальчика. Причем его самого даже не спросят, не успеет оглянуться, как окажется новым синьором Скарчелла, несмотря на разницу в возрасте в пятьдесят лет!»

Она громко кашлянула, Паоло вздрогнул и освободился от морока.

- Ну, - спросила хозяйка дома, словно начальник нерадивых подчиненных. - Вы выяснили, кто его убил? - Потом повернулась к Николетте. - Вы рассказали им о яде дорогая? О том как старую женщину отравили?

- Конечно, - ответила Николетта. - Я рассказала, что вы думаете, что кто-то хотел вас отравить.

- Думаю? Абсурд! Мне некогда было думать. Кто-то дал мне мышьяк!- Она уставилась на Брандолини, которому шел седьмой десяток:- Что вы об этом думаете, молодой человек? Вы позволите, чтобы им сошло с рук? Или как?

Николетта ждала слов, что вопросы здесь задает он, но Брандолини улыбался. А потом ответил тихим голосом:

- Нет. Постараемся этого не сделать синьора. И даже начнем с отравления. Расскажите мне о нем, синьора.

Виолетта рассказала то, что все уже знали. Она позавтракала и после этого ей стало очень плохо. Она болела до утра. Врач прописал лекарства и сначала подумал, что это всего лишь острое расстройство пищеварения.

«Старый дурак», — весело заметила синьора Скарчелла. Если ей стало лучше, то явно не благодаря ему. Она настояла на анализе, потому что никогда раньше не болела ничем подобным.

- А болела я много, дорогие мои. Всегда что-то не в порядке. В основном желудок. Никогда не знаешь, на что способен желудок в молодости. Никогда! Если бы я не следила за собой каждую минуту, я бы не дожила до своих лет.

-Но, — сказал Брандолини, - это было по-другому. И вы заподозрили неладное. Почему?

- Меня это напугало, — сообщила Виолетта.- Это напугало бы и вас, дорогой. Паоло, к которому были обращены эти слова, испуганно кивнул.

- Хорошо,- сказал Брандолини.- Но уже довольно поздно. Вам следовало обратиться к нам, как только вы получили отчет, синьора. Попытка убийства всегда лучше самого убийства. Для всех. Однако это молоко уже пролито.

- Мышьяк.- Сказала Виолетта.- При чем тут молоко?

- Наверняка вы не помните, что ели на завтрак в тот день. Кстати, какой это был день? Точно?

- Две недели назад, в понедельник, и я ела всё как обычно.

- Что именно?

- Ну, сначала, конечно, грейпфрутовый сок. Потом чернослив. Мне нужно есть чернослив каждый день.

- Хорошо, а потом?

- Потом был обычный завтрак, горячий, несмотря на лето. Блинчики с беконом. Два яйца. Я всегда ем в понедельник два яйца. В остальные дни одно. И... я не понимаю этих итальянских завтраков откуда возьмется энергия и здоровье, если вы едите утрам только корнетто с чашечкой кофе? Абсурд!

- Почему в понедельник два яйца?- Хором спросили Николетта и Брандолини.

- Потому, что с понедельника начинается неделя.

Наступила небольшая пауза, все выглядели немного озадаченными. Вдруг Брандолини оживился.

- И тосты, полагаю? – Николетта попыталась различить в его голосе иронию, но ничего такого не услышала.

- Конечно. И кофе, разумеется. Ах, да, и немного меда к тостам, конечно. И масла.

- Понимаю. Это дает отравителю... возможность. Выбор огромен.

- Послушайте, молодой человек, — возмущенно взмахнула головой синьора Скарчелла, от чего в ее шее что-то явственно хрустнуло, а парик снова сполз на нос.- Вы что, завтракаете корнетто с кофе?

- Да.- Ответил Брандолини.

Синьора изумленно смотрела на карабинера.

- Питание! Вот что вам нужно. Питание! Иначе у вас не будет сил.

- Вы завтракали все вместе?

- Ну, конечно. Бартоломео. Девочки. Заходил дворецкий, сказать, что нужны деньги на новые предохранители в подвал. И Эльмо... Гильельмо. Нет, совсем не Маркони, как вы могли бы предположить. Гильельмо... как же его фамилия? Что-то очень простое... Перчини, конечно, Перчини.

- Раз мы заговорили о Гильельмо – кто он такой?

- Эльмо? Эльмо просто... старик. Не пытайтесь придумывать загадки.

- Наоборот. Мы их не придумываем, мы их разгадываем. Кто такой Эльмо, синьора?

Николетта мысленно поаплодировала Брандолини, потому что ее личное терпение закончилось еще на описании завтрака.

- Старый друг моего мужа.

Это ничего не прояснило. Она издевается?

- Какого, синьора? Какого мужа?

- Моего мужа. У меня был только один муж. В том смысле, который закладывается в это слово. Первый муж.

В конце концов из нее вытянули пояснения. Много лет назад Гильельмо Перчини и Пьетро Орландини были близкими друзьями. Оба занимались бизнесом и довольно успешно. Но что-то случилось — что-то смутное и туманное, еще в то далекое время Виолетта не слишком хорошо разбиралась в таких вопросах. И после смерти Пьетро Орландини Эльмо нарисовался у нее на пороге и она «взяла за него ответственность, ведь так сделал бы мой муж! Он... как бы достался мне по наследству, вместе с деньгами».

- На память.- неожиданно сказала Николетта, а синьора Скарчелла впервые посмотрела на нее с уважением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.